Но вместе с тем на практике институционально волонтерство еще не сформировалось в Азербайджане. Оно носит, как правило, локальный, краткосрочный, стихийный характер, строится часто по заимствованным зарубежным (волонтерским) проектам, не всегда отвечающим азербайджанской ментальности, укладу жизни и воспитания. Возникающие очаги добровольчества существуют пока разрозненно, слабо интегрированы в единое социальное пространство жизнедеятельности молодежи. Причиной тому служит то обстоятельство, что добровольческая деятельность не получает должного общественного резонанса, внимания, социально-педагогической поддержки и признания. В целом же не высокая востребованность добровольческой деятельности в обществе обусловлена низкой культурой социального участия, как на личностном, так и на общественном уровнях сознания. Опыт добровольческой деятельности может служить проводником и существенным фактором развития данной культуры в молодежной среде. Поэтому государство во взаимодействии с организациями гражданского общества и другими заинтересованными сторонами должно всесторонне проанализировать свои правовые системы, выяснить, как местные законы влияют на волонтерскую деятельность, и определить, какие изменения будут оптимально отвечать местным нуждам.

1. «Добровольцы - ценный источник», М. Олчман, П. Джордан. Университет Джона Хопкинса, 1997. [электронный ресурс] <http://www.kehila.ru/article/?69>
2. Всеобщая декларация добровольцев // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Мотивация молодых граждан к участию в добровольческой (волонтерской) деятельности и возможные направления такой деятельности. – [электронный ресурс] <http://www.nashamolodezh.ru/blog/rabota/138.html>
4. <http://echo-az.info/obshestvo07.shtml>
5. <http://news.day.az/society/410110.html>
6. Газета «Зеркало» 20 августа 2014

Пунтус Е.А., Пупышева Т.Н.

«Предельная реальность»: институциональный феномен эпохи модерна

*Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза
(Казахстан, Караганда)*

doi: 10.18411/lj-12-2020-247

idsp: ljjournal-12-2020-247

Аннотация

В статье проанализированы положения теоретических концепций, имеющих в качестве предмета своего анализа процессы трансформации института религии в период формирования и развития западноевропейского формата индустриального общества. Точка зрения авторов статьи совпадает с мнением тех ученых, которые рассматривают данные процессы как закономерную трансформацию базовых религиозных ценностей и переход их в новый «прагматичный формат», получивший образное название процесса «разволшебствления» мира. В ходе данных процессов институт религии не перестает существовать и не утрачивает своей уникальной функции «предельной реальности». Он продолжает существовать в новом «индивидуализированном» формате обществ «невидимых» и «индивидуальных» религий, удовлетворяющих потребность человека в «священной завесе», продолжающей защищать, пусть и в несколько видоизмененном виде, уже современного человека от «ужасов хаоса и аномии».

Ключевые слова: религия, общество, идентичность, секуляризация, секуляризационные процессы, модерн.

Abstract

The article analyzes the provisions of theoretical concepts that have as the subject of their analysis the processes of transformation of the institution of religion during the formation and development of the Western European format of industrial society. The point of view of the authors of the article matches with the opinion of those scientists who consider these processes as a natural transformation of basic religious values and their transition to a new “pragmatic format”, which was figuratively called the process of “enchaining” the world. During these processes institute of religion does not cease to exist and does not lose its unique function of “ultimate reality”. It continues to exist in a new “individualized” format of societies of “invisible” and “individual” religions that satisfy the human need for a “sacred veil” that continues to protect, albeit in a somewhat modified form, already modern human from the “horrors of chaos and anomie”.

Keywords: religion, society, identity, secularization, secularizing processes, modern.

Эра модерна положила начало новой веры – веры в разум и науку, человека и прогресс, что способствовало развитию промышленности, естественных (согласно Огюсту Конту, позитивных) наук, демократии и научно-техническому прогрессу. Новая вера человека в самого себя закономерно дала толчок к развитию процессов секуляризации, что позволило Ницше написать свое знаменитое «Gott ist tot», признав современного человека его «убийцей». Но так ли это, действительно ли эпоха модерна «похоронила» Бога?

Развитие капитализма и новых форм производственных отношений неизбежно привело к серьезным изменениям в социокультурной атмосфере западноевропейских обществ. Человек утратил характерные для традиционных систем «аскриптивные гарантии» права на место в социальной структуре, право которое еще недавно являлось неоспоримо легитимным. Индивид неожиданно получил возможность пусть ограниченного, но выбора, к которому он был совершенно не готов, не готов к обществу, в котором его социально-экономические позиции стали определяться не гарантией статуса по праву рождения, но его собственными усилиями. Стремление улучшать себя, свое положение стало легитимным.

Новый тип производства и производственных отношений, основанный на внедрении новых технологий и создавший общества массового производства и потребления повлекли за собой формирование «нового мира», мира, где веками сохранявшиеся в практически неизменном виде традиционные социальные институты со своими устоявшимися ролевыми репрезентациями за короткий срок трансформировались практически до неузнаваемости, подчиняясь новым законам производственно-рыночных интересов. И речь идет не только об экономических институтах, глобальные изменения коснулись всего, даже таких фундаментальных и потому наиболее консервативных институций как семья и религия.

Модернистский этап развития института религии сопровождался процессами секуляризации, в ходе которой религиозная картина мира заменяется рациональным, а именно научным ее объяснением. Американский социолог П. Бергер дает следующее определение секуляризации, описывая ее как «процесс, в ходе которого сектора общества и культуры выводятся из-под контроля религиозных институтов и символов» [1, с.113]. Определяя религию, как «священную завесу», которая скрывает от человека реальный мир, одновременно защищая его от ужасов хаоса и аномии, наделяя его осмысленностью и теплом, американский социолог очень образно видит в секуляризации процесс срывания с мира этой завесы и обнажение его в своей естественной первичной неприглядности. Это процесс, в ходе которого человек обретает возможность увидеть самотождественный мир таким, каков он есть и себя в нем достаточно ясно без дурмана религиозного покрова, под которым он пребывал не одно тысячелетие. Но так ли необходимо человеку избавление от иллюзий, насколько

действительно «рационален» и потому конечен этот процесс? П. Бергер исходит из того, что человек стремится обрести «наполненное смыслом» место в реальности своей повседневной жизни [2, 3]. На поиск смысла как результату конструирования ориентирована вся деятельность человека и ее итогом становится уникальная «картина» мира, мира, который противостоит ему в своей чуждости, поскольку в природе человека изначально заложено «антропологически необходимое» отчуждение. Что же тогда делает возможным общество? Религия связывает «зыбкие конструкции эмпирических обществ» с высшей реальностью, помещая их в «священный космос», который спасает человека от хаоса [2, 3]. Религия, делая человека «слепым», дает ответы на основные вопросы, наделяя смыслом его существование. В качестве «социального клея» религия поддерживает существование каждого общества. Производя «сакральные ценности» и выполняя регулятивную функцию, религия легитимирует социальные институты, вводя их в космическую структуру отношений. Поэтому, наиболее «болезненными» последствиями процесса секуляризации является аномизация социальной реальности, отсутствие устойчивых легитимных социальных практик, защищающих человека от «ужасов хаоса и аномии» [2, 3].

Утрата «священной космоизацией социального порядка» в процессе секуляризации своей основополагающей функции – монополии на производство ценностных образцов, неизбежно влечет за собой серьезную угрозу самому существованию общества. Если религия утрачивает свое многовековое неоспоримое право на конструирование социального мира, социальный мир (порядок) утрачивает свое значение и смысл, выступающие как обязательные для каждого. Поэтому данные процессы вызывают серьезное беспокойство у автора, и Бергер говорит о необходимости преодоления кризиса и возрождения веры в современном ему мире, как необходимом условии самого его существования. Этому посвящены его работы «Слухи об ангелах» [4] и «Еретический императив» [5].

Человек эпохи модерна, охваченный верой в себя и собственную рациональность становится свободным от табу, ограничивавших его коллективных сознаний и представлений. Он перестает верить в судьбу и рок, он апеллирует категориями «я» и «выбор». Он охвачен тем, что средневековые теологи называли ересью, которая в дословном переводе и означает «выбор». Казалось бы, это предполагает неминуемую гибель религии как социального явления, ведь изначально она ассоциируется именно с отсутствием выбора. Новые социальные законы диктуют «еретический императив», то есть приоритет деятельности, основанной на свободном, рациональном выборе. Тем не менее, именно это дает религии новый шанс, ознаменовав переход к новому типу веры – веры рациональной и новому типу общества – общества «индивидуальных религий». Используя многовековой опыт различных религиозных традиций, человек получает возможность выбрать веру и ее конфессиональную форму, и она уже является не его неизбежной аскриптивной атрибуцией, но следствием его собственного выбора и предпочтений.

Характерный для западноевропейских и американского общества кризис религии, основанной на традиции, компенсируется обращением человека к вере как опыту «внутренней свободы». Конечно, религиозная истина и понятие внутренней свободы представляются достаточно сложно сочетаемыми, но религии, как и человек, сами по себе представляют социальные конструкции. Что же касается религиозного опыта, то он, хотя и затрагивает социальный контекст, но лежит за пределами социальной реальности, являясь объектом феноменологического описания.

Признавая бессилие социологии в данном вопросе, П. Бергер отмечает, что социология вынужденно «заключает в скобки» проблему онтологического статуса религиозных утверждений и должна оставаться агностической в том смысле, что социологическая аргументация не должна использоваться для получения ни теистических, ни атеистических заключений [5]. В этом автор видит полное нарушение

научности процедур исследования. Здесь речь скорее может идти о «нетеоретической инфраструктуре», лежащей за пределами научного анализа и детерминирующей мышление не на основе конкретного опыта, а посредством «символических схем интерпретаций», формирующих индивидуальные значения в качестве трансцендентного образа предельной реальности, лежащей вне границ социальной реальности, но подчиняющей ее себе. По мнению Бергера анализом данных процессов может заниматься только исследователь обладающий «теологическим слухом», способный установить связь между реальным процессом социального познания и трансценденцией, между мирским и сакральным [3]. В этом, по-видимому, и состоит проблема заблуждения тех ученых, которые провозгласили эпоху модерна – эпохой гибели религии.

Секуляризация устраняет не саму религию как социальное явление, а только отдельные формы религиозности, явно противоречащие новому типу социальной реальности. Это убедительно обосновал в своей знаменитой «Протестантской этике и духе капитализма» Макс Вебер [6]. Анализируя процессы развития капитализма в западноевропейских странах, он доказал невозможность перехода к новому типу производства и производственных отношений без трансформации религиозных институтов и, в частности, католичества, чья этика делала невозможным само существование «духа» капитализма, и на смену доминанты которого, как альтернатива, пришел протестантизм. Те же формы религиозности, которые не вступают в противоречие с рациональностью и идеями гуманизма не испытывают никаких проблем в современном обществе, но, наоборот, даже выигрывают от ее повсеместного утверждения. Упрекая сторонников традиционного взгляда на секуляризацию, Тейлор пишет, «обвинения, выдвигаемые против ортодоксальных теоретиков секуляризации, заключаются в том, что последние так или иначе полагают, что изменения, связанные с современностью, сами по себе подрывают веру или же делают ее затруднительной; они не видят, что новые структуры действительно подрывают старые формы религиозности, но при этом оставляют возможность для расцвета новых» [7, с.161].

Сторонники ортодоксальной позиции в этом вопросе, подчеркивают, что секуляризация четко разделяет светское и религиозное. Первое предстает как абсолютно самостоятельное и поэтому автономное. Религия изгоняется за пределы социального мира, что вынуждает ее либо умереть, либо признать новую светскую реальность со своими собственными ценностями и смыслом. Они рассматривают религию как несущественное «увлечение» отдельных людей, разновидностью хобби, наряду с собиранием открыток или выращиванием цветов. И поэтому-то такие теологи, как Т. Альтицер, и заговорили о том, что «актуализация профанного требует отрицания священного», что «трансценденция полностью трансформировалась в имманентность» [8]. Именно данная абсолютистская позиция чаще всего и подвергается критике.

Секуляризация – это не тщательно разработанный и реализованный проект, направленный на уничтожение религии. Это естественный процесс, вызванный к жизни глобальными трансформациями всех сфер общества. Она предполагала не уничтожение, а транспозицию религии, вытеснение ее из «светской» сферы, в первую очередь, в плане лишения абсолютного влияния именно в области культуры (системы ценностей), обеспечив ее переход в сферу религиозную. В результате культура в системе ее базовых ценностей и представлений не только перестала однозначно определяться религией, но получила возможность ее интерпретировать. «Секуляризированный человек» перестал определяться религией, но получил возможность ее выбирать.

Если ранее духовность была чисто религиозным императивом, то теперь она приобрела более широкое значение, включив в себя помимо религиозной этики, научную, философскую, воспитательную (в светской своей трактовке) и ряд других этик. Эпоха секуляризации положила начало развитию явления и самого понятия

«культура». «Культура – это то, что остается после изъятия актуальной религиозности из «культурной жизни» человека и общества, когда в культуре уже нет ничего, кроме «культуры». В этой перспективе сама религия понимается как часть культуры, то есть редуцируется до особого типа посюстороннего опыта, что позволяет «взять все ценное из векового религиозного наследия человечества», интерпретируя это «все» в культурно-секуляристском ключе. То есть «обезвредить» религию как религию [7, с.165].

Однако в этой ситуации неизбежно срывается принцип замещения, и культура, в своих базовых ценностях, приобретает черты священного, частично принимая на себя функции не только «поддержания», но и «производства образца». Религия же сохраняет свои позиции вне контекста культурных норм и продолжает существовать относительно автономно.

Говоря об идеологии периода модерна необходимо подчеркнуть, что собственно исторический контекст, контекст объективной необходимости хотя бы частичного соблюдения законов преемственности ее заботил мало. Возведя во главу угла идею торжества науки и человеческого разума над природой (Богом), человек все свои усилия направил на обоснование с целью удержания своих с таким трудом отвоеванных у религии позиций нового образа жизни и типа общества. Провозгласив революцию Просвещения и установив новые правила, прогрессивные общества не задумывались о тех неоднозначных последствиях, которые будет иметь подобная глобальная трансформация.

Подводя итоги, можно сказать, что в многовековой истории человечества, секуляризация – это лишь этап социокультурной эволюции. Это процесс, начало, и конец которого обозначают некую эпоху. Это небольшой по продолжительности, но очень значимый для человечества отрезок истории. Хотя, наверное, неправильно говорить о нем в контексте всей мировой истории, ведь эти процессы затронули только европейские страны и США, так называемый «христианский мир». Секуляризация затронула только христианское в религиозном отношении пространство и сопровождалась не только отказом от доминирующей роли религии в жизни общества, но и масштабным научно-техническим, экономическим и политическим прогрессом.

Религия, несмотря на секуляризационные процессы периода модерна «осталась жива», она «адаптируется» и эволюционирует. «Завоевания» секуляризации, обеспечившие отделение церкви от государства, свободу религиозного выбора, переход на светские стандарты образования не только смогли истребить потребность в «священном», но вызвали к жизни новые религиозные движения. Религия продолжает выполнять интегративную функцию, религиозная идентичность вновь стала абсолютно нормальной.

1. Berger P. The social reality of religion. – London: Faber, 1969. – 231 p.
2. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / Перевод с англ. Р. Сафронова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 216 с.
3. Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 775 с.
4. Berger P. A Rumor of Angels: Modern society and the rediscovery of the supernatural. – Open Road Media, 2011. – 122 p.
5. Berger P. The heretical imperative: contemporary possibilities of religious affirmation. – Anchor Press, 1979. – 220 p.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – Москва: Директ-Медия, 2016. – 178 с.
7. Религия и идентичность в России / Сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. – М.: Восточная литература, 2003. – 279 с.
8. Кырлежев А.И. Постсекулярная эпоха [Электронный ресурс] // Континент. – 2004. – № 120. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/continent/2004/120/postsekulyarnaya-epoha.html>.